

Значение Слова Имеет Значение

Ответ В.-М. Роту и П. Йохансдоттир (W.-M. Roth & P. Jóhannsdóttir) по поводу слова perezhivanie (русск. переживание)

Энди Бланден (Andy Blunden)

Перевод с английского А. А. Алексева

PEREZHIVANIE КАК СЛОВО В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке не употребляются определенные и неопределенные артикли, и поэтому автор, вводя с определенной целью русское слово perezhivanie (переживание) в английский язык и тем самым наделяя его англоязычным значением, должен решить для себя, является ли оно исчисляемым или неисчисляемым существительным. Многие слова английского языка могут быть, в зависимости от контекста, как неисчисляемыми, так и исчисляемыми существительными, но в каждом случае будут иметь совершенно различное значение. “Tool” (инструмент, орудие труда, средство) – исчисляемое существительное, как во фразе “I have three tools” (у меня есть три инструмента). “Equipment” (оборудование, оснащение, снаряжение) – неисчисляемое существительное, и если сказать “I have three equipments” (у меня есть три оборудования), то это звучит нелепо. Следовало бы сказать: “I have three tools” или “I have three pieces of equipment” (у меня есть три единицы/образца оборудования). “Experience” (опыт, опытность) [в противоположность “experiences” или “that experience” или “an experience”] – неисчисляемое существительное, тогда как в других случаях (примеры в квадратных скобках) оно является исчисляемым существительным. В английском языке неисчисляемое существительное “experience” и исчисляемое существительное “an experience” имеют совершенно разные значения. Как неисчисляемое существительное, “experience” означает пассивный багаж всего того, что человек, взаимодействуя со средой, накапливает и несет с собой в ходе жизни. В этом значении “experience” (опыт) является основным понятием эмпиризма, и в качестве такового может не иметь никакого аффективного содержания. Как исчисляемое существительное, слово “an experience” (опыт в узком смысле слова, как переживание, впечатление, чувство) подразумевает значимую, возможно эмоционально нагруженную, неожиданную или что-то открывающую интеракцию. Именно это различие имел в виду Джон Дьюи в своем эссе 1934 г. “Having an Experience”. Когда слово “переживание” (“perezhivanie”) переводится на английский как “experience”, оно становится неисчисляемым существительным, т.е. основным понятием эмпиризма.

Любой носитель английского языка автоматически учитывает это различие между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными, однако оно крайне редко *доходит до сознания* тех, для кого английский является родным языком, и известно, как правило, только специалистам по английской грамматике. Рядовые носители английского языка обычно начинают сознавать это различие, когда, например, носитель русского языка говорит: “Word meaning is unit of intellect”, потому что “unit” (единица) может быть только исчисляемым существительным и правильным выражением будет “Word meaning is the unit of the intellect”

(единицей мышления является значение слова). Даже если носители английского языка будут всегда употреблять такие существительные корректно, они делают это без осознания имплицитно используемого грамматического правила. При условии, что в русской грамматике различие “исчисляемые/неисчисляемые существительные” отсутствует, а носители английского языка обычно не осознают это различие, неудивительно, что носители русского языка иногда говорят такие вещи, как “unit of consciousness is perezhivanie”. Однако когда носители английского языка копируют этот ломаный английский, они обнаруживают, что не понимают значения слова “unit”, которое само по себе является исчисляемым существительным, и только исчисляемые существительные могут быть единицами (units) чего-либо. Нет никакой разницы, если неолог “experiencing” (переживание) используется вместо “захваченного в собственность” русского слова perezhivanie. Как неолог, существительное “experiencing” может быть исчисляемым или неисчисляемым в соответствии с его употреблением и является просто переводом слова “переживание” (perezhivanie), а те, кто это слово употребляет, всегда используют его как неисчисляемое существительное, лишая тем самым слово “unit” (единица) его смысла, – причем как научного смысла, в котором его употреблял Выготский, так и повседневного смысла. И носители английского языка часто готовы поверить, что Выготский был эмпиристом, употреблявшим слова наподобие “unit” (единица) в каком-то особом смысле.

КАТЕГОРИЯ И “КАТЕГОРИЯ”

Своеобычному употреблению в английском языке слова “category” (категория), для отсылки к какому-то драматическому событию или столкновению личностей, мы обязаны Николаю Вересову (Nikolai Veresov). В настоящее время Николай говорит на хорошем английском и убедил некоторых людей, что слово “category” имеет это значение, хотя никому кроме него оно неизвестно. Вересов ошибается, приписывая это идиосинкратическое значение Выготскому. Я считаю, что Выготский совершенно не двусмысленно использует слово “категория” (category) в обычном философском значении, например, в главе 7 книги “Мышление и речь”. Однако Вересов не настолько неправ, как считают многие из его критиков, и не настолько прав, как считают многие из его сторонников. Ключ к разгадке лежит в этимологии.

Вначале было древнегреческое слово *κατηγορία*. Это слово соединяло в себе три значения, которые дали начало трем разным словам английского языка. Для Аристотеля слово *κατηγορία* означало предикат, т. е. нечто приписываемое субъекту. По Аристотелю, логика, естественные науки и грамматика не были отдельными дисциплинами: мир был таким, каким он познавался и выражался в языке. В аристотелевой “Риторике” слово *κατηγορία* приняло иное значение: *κατηγορία* (“категория”) и *απολογία* (“апология”) составляли пару противоположных модусов речи; один говорящий предъявляет обвинение (приписывает предикат) другому (*κατηγορία*), а другой приводит аргументы в свою защиту (*απολογία*). В развитии логики, начиная с идеи *κατηγορία* как предиката субъекта, Кант выбрал термин ‘категория’ (транслитерацию *κατηγορία*) на роль фундаментального понятия, от которого другие понятия получали значение. В позитивистском и повседневном употреблении это слово потом приняло вульгарное значение ‘ящичка’ наподобие тех, по которым раскладывают

вещи. Кантианский смысл слова ‘категория’ сохранился в философии и после Канта, но ему было дано иное, критическое содержание сначала Гегелем, а затем, естественно, и Марксом, однако оно до сих пор вызывает в памяти значение, которое в него вкладывал Кант. В грамматике, латинский перевод греческого слова *κατηγορία*, предикат, заимствовал это значение, хотя слово “*predicate*” (предикат) все еще несет в себе до некоторой степени устаревшее значение “*accusation*” (обвинение) и является родственным слову “*predicament*” (затруднительное положение, опасная ситуация).

Итак, возможно, Вересов совершенно прав, заявляя, что слово “*kategoria*” (которое в английском языке пишется так, когда оно указывает на термин риторики) было присвоено теорией русской драмы, несмотря на то, что невозможно найти никаких подтверждений этого заявления и никто из знатоков теории русской драмы никогда не слышал о книге Мейерхольда, которую Вересов якобы видел собственными глазами. Даже если те, для кого русский язык является родным, отрицают, что слово “*kategoria*” (“категория”) имеет это значение в русском языке, нужно спросить у российского специалиста по риторике, не у психолога. В заявлении Вересова есть доля правдоподобия, и любой желающий построить теорию индивидуального развития (*personal development*) вокруг понятий “категория” и “апология” имеет законное основание. Более того, я полагаю, что некоторые направления мыслей Выготского будут открыты для такой интерпретации. Тем не менее, я не встречал в работах Выготского ничего, что подтверждает заявление, будто *он* употреблял обсуждаемое слово именно так. Как бы там ни было, в английском языке это слово – “*kategoria*”, а не “*category*”.

НЕПРЕРЫВНОЕ И ДИСКРЕТНОЕ РАЗВИТИЕ

Утверждение, что Выготский понимал переживание как единицу развития личности (*personal development*), привлекает наше внимание к следующему обстоятельству: если все единицы являются исчисляемыми существительными, как тогда возможно понять *непрерывное* развитие? Этот вопрос возвращает нас к философской проблеме дихотомии дискретного и непрерывного развития. Является ли наш вопрос просто вопросом о скорости развития? Хотя Выготский говорил о периодах *постепенного* (плавного) развития, происходящего в стабильной социальной ситуации развития, и о литическом развитии, происходящим во время периодов кризиса, в течение которых социальная ситуация развития *преобразуется*, было бы ошибкой думать, что постепенное развитие – непрерывный, а не дискретный процесс. В случае непрерывного развития нам пришлось бы предположить, что индивид претерпевает развитие даже когда все остальные бездействуют (спят, например), и в результате мы оказались бы втянутыми в обсуждение вопроса о том, играют ли вообще какую-то роль действия тех, кто ответственен за содействие его развитию. Развитие может быть постепенным, но при этом оно состоит из огромного количества дискретных “скачков”. Если и есть что-то постепенное в этом процессе, так это сохранение стабильной социальной ситуации развития (затруднительного положения). В общем (хотя и не без исключений), литическая фаза развития характеризуется тем, что индивид принимает позицию субъекта, которая противоречит субъектной позиции, неявно присутствующей в деятельности тех, с кем этот индивид сотрудничает. Именно это и порождает противоречие: каждый изменяет свою деятельность, субъект развивается, социальная ситуация преобразуется, и новая

субъектная позиция должна приобрести устойчивость в череде “малых кризисов” (‘minor crises’). Кризисы могут также вызываться *извне* – вследствие изменения социального окружения, – но это явно не прототип концепции Выготского о развитии личности в социальной ситуации. Когда внешние изменения заставляют индивида адаптироваться к новой среде, мы имеем ситуацию в том виде, как она понимается ординарной эмпирической и бихевиористской психологией.

ЕДИНИЦЫ ПРОЦЕССА И ЕДИНИЦЫ КОНЧЕНОГО ПРОДУКТА

Являются ли переживания единицами сознания или единицами личностного развития (personal development)? Вопрос в том, что нам говорят будто сознание как конечный продукт личностного развития может быть понято только в его истории или развитии. Значит, если единица должна раскрывать нам природу сознания, тогда она должна открывать нам и динамику его развития, а чтобы раскрыть нам динамику развития личности, переживания должны быть единицами личностного развития. Поэтому ответ таков: переживания *с необходимостью* являются *и* единицами сознания, *и* единицами личностного развития. Это в той же мере применимо к значению слова или к любой другой единице анализа. Значение слова раскрывает нам развитие разума (the intellect) и, следовательно, может выполнять функцию единицы умственной деятельности, т. е. мышления. Почему “переживания” функционируют как единицы развития? Потому что сталкиваясь с кризисом того или иного рода, позитивным или негативным, мы ‘должны’ изменить нашу социальную ситуацию либо видоизменяя нашу собственную деятельность, либо изменяя релевантные аспекты нашего окружения.

Итак, каково значение слова “perezhivanie” (переживание) в английском языке? Мы не надеемся перенести в английский язык все те коннотации, которые это слово приобрело в русском языке. Поэтому наша цель – сформулировать *абстрактное понятие*, в гегелевском смысле, которое может наполняться конкретным содержанием в процессе его взаимодействия с корпусом культурно-психологической теории в английском языке, и в результате выработается новое, конкретное понятие, выраженное в английском слове, отличном от русского слова (хотя и сохраняющим с ним связь), но, тем не менее, слове *содержательном, имеющем смысл*. “Переживания” (“perezhivanija”) – это ситуации, в которых оказывается субъект. Эти ситуации не только объективны, так как то, что является благом для одного, может быть катастрофой для другого или вообще не иметь значения для третьего. Другими словами, это *значимость* или, если хотите, значение (я считаю критику Выготского по этому вопросу со стороны Лидии Божович совершенно ошибочной) объективной ситуации *для конкретного субъекта*, в той мере, в какой она релевантна его развитию, т. е. действительно *ставит задачи развития* для данного субъекта (я благодарен Николаю Вересову за это последнее ограничительное условие). Значимость совокупности внешних условий не только субъективна. Люди оказываются в ситуации выбора между жизнью и смертью *не только* потому, что они *считают* ее таковой, – результаты их действий зависят от объективных, материальных событий и отношений, а не только от мнений субъекта, но и исключительно объективной ситуация не является. Как, впрочем, и социальная ситуация развития не (NB!) является *полной* совокупностью глобальных социальных и экономических условий, просто добавленных к деятельности индивида. Самосознание индивида или его

личностная идентичность и его потребности отбирают, так сказать, *специфические аспекты* внешней среды или сочетание факторов, которое представляет собой проблему; именно это *стечение обстоятельств*, или ситуация, или *затруднительное положение* и составляет *переживание* (*an experience*) в релевантном смысле.

Однако *столкновение* с кризисом развития само по себе еще не означает, что индивид *совершает* развитие. Развитие может происходить только позднее, в результате работы индивида над переживанием, интегрирования переживания в личность и его успешного преодоления, его ассимиляции в более крупную структуру, что мы обычно называем “*катарсисом*”. Этим важным наблюдением мы обязаны лично Федору Василюку. В английском языке нет слова, которое вызывает в памяти два значения: “*an experience*” (переживание) и “*the catharsis*” (катарсис). А “*perezhivaniya*” понимаются как развитие личности через катарсис. Я предлагаю, чтобы носители английского языка использовали слово “*perezhivanie*” для обозначения переживания (*the experience*) и “*катарсиса*” вследствие работы над ним, но в любом случае мы должны отдавать себе отчет в этом различии.

ЕДИНИЦЫ, КАТЕГОРИИ И ЭЛЕМЕНТЫ

Хотя Выготский и не изобретал анализ по единицам, в первой главе “Мышления и речи” он ввел новое значение для существующего термина – ‘единица анализа’, который уже был известен основной группе естественных и социальных наук. Он наделил его критическим гегелевским содержанием ‘абстрактного понятия’. В данном случае Выготский следовал за Марксом. В предисловии к “Капиталу” Маркс писал: “Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества” (Маркс К. Капитал, Т. 1. Госполитиздат, 1949, С. 4). Отметим, что товар является формой клеточки буржуазного общества, а не политической экономии, т. е. формой клеточки рынка – не науки о нем, а самого феномена. Принявшись писать “Капитал”, Маркс начал с определения первичной единицы, которая позволяет увидеть все существенные свойства рынка и, следовательно, специфику рыночных отношений. То есть, рынок – это просто обмен товарами. Анализируя внутреннее противоречие, содержащееся в рыночном отношении, а именно – несовпадение потребительной и меновой стоимости, он смог ‘раскрыть’ во всей его полноте феномен буржуазного общества и его развития. Именно этот выбор *специфического отношения* – не капитала, не цены, не труда, но товарных отношений – в результате инсайта или *aperçu*, как сказал бы Гёте, позволяет автору основать новую науку, раскрывающую внутреннюю динамику всей совокупности феноменов, объединенных одним этим отношением. Единица – это категория в обычном кантовском философском смысле; но ‘категория’ (*‘category’*) в этом смысле, когда она подвергнута гегелевской критике, может функционировать как единица только в очень специфическом смысле, а именно: такая категория является единицей *некоторой теории* или нормативного проекта. То есть, теория состоит из нескольких фундаментальных понятий, или категорий. Однако “категория” (*‘category’*) не является синонимом “единицы” (*‘unit’*). “Единица” – это относительный термин, т. е. единица некоторого сложного процесса или целого. Сказать, что нечто является единицей, и больше ничего не добавить, – значит произнести бессмысленную фразу, но отнюдь *не лишено смысла*

высказывание, что нечто является категорией, потому что “категория” (“category”) не является относительным термином.

Широко известно, что Выготский также сопоставлял ‘единицы’ с ‘элементами’. Вода состоит из сущностно различных элементов – водорода и кислорода, – ни один из которых не обладает свойствами воды. Единицы воды – это молекулы H₂O; все они однородны, и каждая является мельчайшей частицей воды, но при этом остается водой; вся кубическая масса воды состоит только из молекул H₂O, и не из чего больше. Так дает ли это нам право говорить, что <индивид (a person) + его окружение (внешняя среда)>, будучи по отдельности элементами и взятые вместе, являются единицами ... чего? Предположим, общественно-экономической формации (social formation). Ответом будет “нет”. ‘Внешняя среда’ (‘environment’) уже представляет собой полную социальную, политическую и экономическую систему страны, а не ее часть. Так может быть <индивид (a person) + его окружение (внешняя среда)> есть единица сознания данного индивида? Тоже нет. В этой среде существуют миллиарды событий и отношений, которые незначимы для развития индивида (a person). Целое состоит из огромного множества таких единиц. Если <индивид + его социальное окружение> является одной единицей, чем тогда являются все *другие* единицы, составляющие вместе сложное целое – сознание индивида? “Единица анализа” – это *не* синоним предмета исследования; точнее сказать, она есть *отрицание* предмета исследования.

ПОНЯТИЯ И “КУЧИ”

Существует представление, согласно которому единица должна быть “мельчайшей частью, все еще сохраняющей сущностное единство и качество целого после любой сложной деятельности”, и такое понимание единицы подразумевает рысканье в поисках с целью найти все, что приходит в голову автору под видом части сущностного единства, скажем, развития индивида, и включение этой части в данную единицу. Этот процесс во многом похож на то, что мы делаем, когда пакуем вещи, собираясь поехать в деревню: записываем в чемодан все, что нам могло бы понадобиться в этом путешествии. Выготский называл такие понятия, формируемые маленькими детьми, “кучами”. Когда Маркс сел писать “Капитал”, он не проигрывал в уме все то, что он мог бы счесть относящимся к буржуазному обществу – банки, деньги, рабочих, заработную плату, производство, технология и т.д. и т.п., – чтобы затем выдумать неолог для передачи значения всех этих разнообразных отношений, упакованных вместе. Все было иначе. С 1843 по 1859 год он работал над своим материалом, прежде чем прийти к заключению, что зародышевой клеточкой (или единицей анализа) было *одно простое* (неразложимое далее) *отношение* – обмен товарами. Любое начинание в науке, или даже попытка понять психологическое развитие одного человека, требует такого *инсайта*, и его нельзя заменить собиранием в одну кучу всего того, что могло бы оказаться полезным в пути. Наука начинается с подобного инсайта.

ОБЩИЕ СОВОКУПНОСТИ И ПОНЯТИЯ

Совершенно определенно, наука нуждается в понятии своего предмета, не в описании, а именно в *понятии*. Ученый, подобно любому из нас, первоначально сталкивается с разнообразием феноменов, обнаруживающих слабо связанную группу проблем, и объединенных по некоторому абстрактному, возможному, но

необязательно необходимому, свойству. Например, когда люди сталкиваются с неравенством и эксплуатацией в современном обществе, то все релевантные феномены выглядят объединенными на основе денег или, возможно, капитала. Это абстрактное общее понимание. Следуя Гегелю, Маркс показал, как наука должна работать над таким материалом, чтобы открыть за ним одно простое абстрактное понятие, которое может затем стать основанием для обратного восхождения к конкретному, с которого он начал, но теперь уже воссозданному в понятийной, научной мысли, а не в непосредственном восприятии. Итак, общие (open-ended) совокупности наподобие ‘внешней среды’ (‘the environment’) или ‘общественно-политических условий’ (‘the social and political conditions’) бесполезны. Такие категории описывают проблему, *отправную точку исследования*, а не абстрактное понятие, которое должно выполнять функцию единицы анализа для конструирования научного восприятия сложного целого. Следует отметить, что как только выбрана единица анализа, наука, которая строится на этой основе, создает *новую* целостность (unity), объединяющую иную группу феноменов, не тождественных группе феноменов, ставших отправной точкой исследования. Например, рабство могло бы появиться в одной связке с наемным трудом как часть проблемы, но как только понятие товара было выбрано за единицу анализа, оказалось, что рабство является формой эксплуатации, чуждой буржуазному обществу.

ИНТЕЛЛЕКТ И АФФЕКТ КАК АБСТРАКЦИИ ИЗ ПЕРВИЧНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Где бы ни проходила дискуссия о переживании (perezhivanie), мы слышим о единстве интеллекта и аффекта и даже “праксиса, интеллекта и аффекта”, а также о других произвольных “целостностях”. Отправной точкой Выготского был анализ *действий (actions)*, в частности, действий, понимаемых как действия, *опосредованные продуктами культуры (artefact-mediated)*, такими как значение слова. Эта отправная точка представляется важной, потому что она *предшествует* абстракции таких *парциальных аспектов действия* как “аффект” и “интеллект”. Вопрос не в том, чтобы постулировать две абстракции – интеллект и аффект – и затем упаковать их вместе в неолог и объявить целостностью. Поскольку твердую основу нашей общей теоретической системе придают такие понятия как действие (action) или переживание (perezhivanie), которые являются предшествующими целостностями всех прочих аспектов действия, то мы в состоянии *отвлеченно рассматривать (abstract)* наблюдения таких целостностей как аффект и интеллект. Что касается праксиса (древнегреческое слово для практики), то это единство сознания и поведения, причем оба последних являются понятиями, которые могут быть *абстрагированы из* наблюдения действия. И все они – праксис, аффект и интеллект – неисчисляемые существительные, непригодные для использования в качестве единиц ни по отдельности, ни вместе. Сформулировать понятие, представляющее собой первичную целостность, совсем не то, что взять две готовых абстракции и суммировать их. В общем, слово для такой первичной целостности уже существует, но в силу природы общего, ненаучного дискурса, оно существует бок о бок с понятиями другого уровня обобщенности. Потому данную первичную целостность, выраженную в понятии, приходится тщательно восстанавливать после деградации, которая, возможно, произошла в небрежном дискурсе. Впрочем, даже повседневный дискурс должен

распознавать слово, указывающее на первичное единство различных элементов, и поэтому неологи следует использовать только как последнее средство.

TAS – ЭТО НЕ АДАПТАЦИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Введенное Анной Стеценко понятие Позиции Преобразующего Активиста (Transformative Activist Stance – TAS) в контексте обсуждаемых вопросов также нуждается в защите. Это понятие образует основу подхода Анны к психотерапии, и противопоставляется Адаптации, то есть позиции, в которой человек просто приспособливается или адаптируется к неблагоприятным социальным условиям. В TAS субъект сознательно определяет себя как агента социальных изменений, берет на себя моральные обязательства изменить социальную ситуацию, в которой оказался, путем изменения социальных условий, а не приспособления к ним. Это понятие *нельзя* равнять с адаптацией индивида к измененным социальным условиям, которая является полной *противоположностью* TAS и отражает точку зрения эмпиризма и поведенческой психологии.

СИСТЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Есть еще одна последняя, давно существующая проблема, внимание к которой также вызвано отсутствием в русском языке определенного и неопределенного артикля и переводом понятий, выработанных в русском языке, на английский без соответствующего определенного или неопределенного артикля. В этом случае таким словом является ‘деятельность’ (‘activity’). Переводчик Google переводит заглавие известной книги А. Н. Леонтьева “Деятельность. Сознание. Личность” как “Activities, Consciousness and Personality”, и это умное устройство ухватывает смысл заголовка книги Леонтьева лучше, чем он передан в обычном переводе, как “Activity, Consciousness and Personality”. К сожалению, Леонтьев далеко не полностью следовал Выготскому в использовании анализа по единицам, и то, что Леонтьев подразумевает под “activities” лучше было бы переводить как “types of activity” (виды деятельности), термином, занимающим промежуточное положение между неисчисляемым и исчисляемым существительным, особенным, скорее чем единичным или общим. Анализ по единицам требует от нас начинать с деятельностей (activities) как единиц человеческой жизни. “Деятельность” (“Activity”) – это обобщенная субстанция, а не единица, так как это неисчисляемое существительное, просто указывающее на материалистический замысел теории Леонтьева, но не способное дать истинное научное основание, достойное наследия Выготского. В английском языке единицы “деятельности” (“activity”) – это “деятельности” (“activities”): деятельность есть не что иное, как множество действий, разделяющих общий мотив, который отличается от цели каждого действия. Тогда понятно, что в случае изобретения терминов типа “системы деятельности” была предпринята попытка возратить исчисляемое существительное (т. е. ‘системы’) для единицы деятельности, но в то же самое время была утеряна идея ‘единицы’, так как система сама является сложным целым, а не *единицей* сложного целого. Вместо мельчайшей единицы сложного феномена мы имеем коллекцию самых разных элементов, сложенных вместе так, как мы пакуем в чемодан нужные нам вещи, собираясь в дорогу. И снова поиск решения подменяется переописанием проблемы.